

Щедрая осень*

Рассказ

Р. Г. Назиров

Ровно 150 лет назад А. С. Пушкин жил в кишиневской ссылке. Глухой городок на окраине империи казался поэту скучнейшим местом на свете, однако именно здесь Пушкин много писал и вынашивал новые творческие замыслы. Итак, осенью 1822 года...

I

Теплым октябрьским днем поэта Стамати, который перевел на молдавский язык «Федру», проходил по кишиневскому базару. Вдруг смуглая рука с длинными и ухоженными ногтями схватила его за полу сюртука.

— Буна сара, мсье Стамати! — раздался веселый голос. Поэт в изумлении обернулся и увидел возле цыганской телеги на истертом ковре сидящего по-турецки молодого человека, зубы которого сверкали в улыбке. Старая цыганка, сидя рядом, гадала ему по руке и по картам.

— Добрый день, господин Пушкин. Любопытствуете узнать будущее?

— А что, может быть... Вот послушайте.

— И будешь ты, золотой мой, — пела цыганка, — жить беспечально и долго, только бойся белого человека на белом коне, от него тебе может быть большая беда! — А какая беда?

— Ой, лучше не спрашивай, не скажу... Белый человек землей пахнет.

Пушкин бросил старухе горсть серебра, взял свою железную палку и поднялся. С соседнего воза курчавый цыган в красной рубахе крикнул ему:

— Когда опять с нами в степь, брат Пушкин дарагой?

— Когда снова цветы зацветут, душа моя, — ответил Пушкин, махая шляпой.

— Не забывай нас, брат!

Когда в 1820 году Пушкин только приехал в Кишинев и еще бродил чужаком по городу, он всякий раз брал с собой заряженный пистолет. Теперь надобность в оружии отпала. Весь Кишинев распевал его «Черную шаль», разноплеменный пестрый люд знал и любил Пушкина. А кишиневские бояре помнили, как вспыльчивый поэт разбил физиономию богатому и чванному Тодору Балшу. Пушкин больше не носил пистолета, но не расставался с железной палкой, весившей 18 фунтов. Он постоянно фехтовал на эспадронах в городском

*Рассказ опубликован в газете 31 октября 1972. Текст является вариантом главы с неизвестным названием романа о Пушкине, опубликованной в «Назировском архиве» 2019 № 4, с. 24–25. Тематически, как и следующие тексты в этом разделе, примыкает к роману о Пушкине, см. «Назировский архив» 2014 № 4, 2016 № 4, 2017 № 3, 2019 № 4.

саду и достиг такой ловкости во владении оружием, что все забияки и талгари (разбойники) с уважением косились на его палку. Но лучшей его защитой была общая известность и любовь простонародья.

— Старухе легко было вам гадать, любезный Александр Сергеевич, — сказал Стамати. — Все цыгане уже наслышаны о ваших неладах с большим белым человеком в Питере. . . Старуха попросту советует вам не ссориться с ним.

— Мой дорогой Стамати, быть может, она схитрила, а может быть, угадала тайну моей судьбы. Простите мне эту слабость — я суеверен. Читали вы «Гамлета»? Датский принц говорит другу, что в мире есть немало чудесного, что и не снилось нашим философам. Дивный и просторный наш мир! Мы еще многого в нем не понимаем, но не в этом ли и половина его прелести?

— Может быть. Свободны ли вы сегодня вечером? Приходите ко мне, я собираю вечер друзей. Будут наши литераторы, будет Костаки Негруци — вы его знаете.

— Благодарю за приглашение, — ответил Пушкин. — У меня есть одно дело. Может быть, я приду к вам с опозданием. . .

— Я всегда рад вам, — сказал Стамати.

II

С тремя друзьями-офицерами Пушкин обедал в «верхнем городе», в известном «Зеленом трактире». Молодая служанка Мариула подала русским гостям обед, с улыбкой отвечая на шутки Пушкина. Щедрая молдавская осень завалила Кишинев своими изобильными дарами; офицеры взяли на пробу молодого вина. Пушкин пошептался с босоногим братишкой Мариулы и послал его куда-то с запиской.

— Спой нам, Мариула! — попросил он. — Спой мою любимую.

Девушка кивнула и позвала и задней комнаты музыканта. Появился старый цыган, поклонился господам, обменялся несколькими словами с Мариулой и приложил скрипку к плечу. Мариула подбоченилась и запела.

То была гордая и страстная песня, вызов старому и жестокому деспоту-мужу, песня во славу запретной любви.

Арде ма, фриде ма,
На корбуне пуне ма, —

подпевал Мариуле русский поэт.

Эти слова означали: «Жги меня, жарь меня, на угли клади меня».

И внезапно, не дав стихнуть последним звукам песни, старый скрипач перешел на бурную плясовую и Мариула пустилась в пляс. Когда музыка смолкла, Пушкин обнял девушку.

— Ты заслуживаешь поэмы, Мариула!

В этот момент босой мальчик, вбежав в «Зеленый трактир», подал Пушкину письмецо на розовой бумаге. Поэт нетерпеливо схватил его и прочел в одно мгновение. Он поцеловал письмецо и дал мальчику монету.

— Допьем вино, господа. У меня мало времени.

— За молдавские розы! — с улыбкой поднимая стакан, сказал Охотников, адъютант генерала Орлова.

Мариула посмотрела на Пушкина и отвернулась — в глазах ее блеснули слезы.

III

И все же поздним вечером Пушкин пришел к Стамати. Его приняли шумно и радостно, усадили на почтенное место и налили вина. Но Пушкин, необычно тихий, почти не коснулся его.

За столом царило «вавилонское смешение языков» — говорили и пели по-гречески, по-молдавски, по-французски и по-русски. Наконец, упростили Пушкина прочесть его стихи. Он вынул книжку «Кавказский пленник» — первое издание его поэмы, недавно присланное Гнедичем из Петербурга. Перелистывая ее, Пушкин выбирал из нее отдельные драматические сцены и описания. Он читал:

Когда же с мирною семьей
Черкес в отеческом жилище
Сидит ненастною порой,
И тлеют угли в пепелище;
И, спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдет пришлец усталый
И робко сядет у огня, —
Тогда хозяин благосклонный
С приветом, ласково, встает
И гостю в чаше благовонной
Чихирь отраднй подает.

Потом он читал свои новые стихи. Особенно понравилось молдаванам стихотворение «К Овидию»: в древнеримском поэте, которого Август некогда сослал на берега Дуная, они видели одного из своих поэтических предков. Пушкин же сравнивал свою судьбу с судьбой Овидия и годился прозвищем «овидиева племянника», которое ему дал один из кишиневских друзей.

В последний раз наполнили бокалы, и Негруцци поднялся с бокалом в руке.

— Друзья мои! — сказал он. — Вот каким является нам первый поэт России: он поет не только хладные снега своего отечества, но также бранные и гостеприимные нравы вольных черкесов, страдания римского певца и нашу родную землю Молдовы. Солнце поэзии

ровно светит всем сынам Адама. Так выпьем же за справедливость и доброту русской музыки, которая песней своей соглашает народы. Ура Пушкину!

— Ура! — дружно грянули молдаване.

Они стоя выпили за здоровье Пушкина. Под крупными осенними звездами проводили его почти до самого дома. Прощаясь, уговаривались о новых встречах.

IV

Пушкин разделся и бросился в постель, но, несмотря на усталость, сон не шел к нему в эту ночь. Предсказание цыганки, песня Мариулы, жгучие поцелуи возлюбленной, тост Негруцци — все впечатления дня сливались в пеструю мозаику. Он поднялся в одной рубашке с постели, зажег две свечи и сел за стол, где лежали тома его любимого Овидия, одолженные у Липранди, новоизданный «Шильонский узник» Байрона в переводе Жуковского, рукописи и огрызки перьев. Пушкин отыскивал черновик стихотворения, извлеченного из «Песни песней» царя Соломона, переставил поближе чернильницу и отыскивал более или менее пригодный огрызок пера.

Лобзай меня, твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Во мне кипят любви желанья,
Душа тобой упоена.

Что-то здесь было не так! Он зачеркнул почти весь третий стих и написал над ним: «в крови горит огонь желанья»..

Подумав немного, он заложил в этом месте тетради цветок, принесенный сегодня со свидания, и со вздохом отложил тетрадь. Придется вернуться к этому позже.

Другая рукопись не давала ему покоя. Мысль, впервые явившаяся ему под старые казачьи песни еще в донских станицах, постепенно вызрела в политических беседах с офицерами-заговорщиками Южной армии и приняла форму поэмы. . . Пушкин достал из ящика стола толстую рукопись.

С ее страниц представали перед ним грозные удалцы Дона и Волги, величавый атаман и спор его с воеводой на астраханском торгу; взятие Астрахани и месть атамана астраханскому воеводе; темные думы и прекрасная пленница, принесенная а дар великой кормилице-реке.

Пушкин принялся перечеркивать, исправлять, дописывать и шлифовать. Увлекаясь, он вписывал новые строфы и целые сцены. Не было ничего лучше, чем эта работа.

Он забыл все на свете, и Александра I, и министра Нессельроде, и Наполеона. . . В эти минуты он сам был человеком семнадцатого века; с пицалью на коленях, сидя на скамье остроносого струга, он только ждал приказа Степана Тимофеевича, чтобы броситься на крутой волжский берег — в бой с ратью князя Прозоровского. За окном истаяла теплая молдавская ночь, и Пушкин поднял голову.

Пора спать. Он убрал рукопись поэмы, главный плод кишеневского лета 1822 года. Да, осень выдалась урожайная. Но удастся ли когда-нибудь напечатать эту поэму?

Пушкин погасил свечи, и со вздохом улегся в постель. Вот теперь он почувствовал, что устал.

Это была блаженная усталость человека, ни за какими картами, танцами, дуэлями и романами не забывавшего того главного, для чего он жил — радостного, беспощадного всепоглощающего труда.

Пушкин еще не знал тогда, что весной 1823 года он сожжет поэму о Стеньке Разине, оставив только ее первую часть «Братьев-разбойников».

Мы никогда уже не узнаем всей поэмы.

Но зато вскоре после этого вынужденного решения, 9 мая 1823 года, Пушкин начнет писать «Евгения Онегина».